

*Библейско-богословская коллекция
Серия «БИБЛЕИСТИКА»
Золотой фонд русской библеистики*

**Дмитрий Сергеевич
ЛЕОНАРДОВ**

**ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
О БОГОДУХНОВЕННОСТИ
И УПОТРЕБЛЕНИИ СВЯЩЕННОГО
ПИСАНИЯ В РИМО-КАТОЛИЧЕСКОЙ
ЦЕРКВИ (IX-XVI вв.)**

Опубликовано:
Вера и разум, 1900, часть I, №1.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Кафедра библеистики Московской православной духовной
академии (www.bible-md.ru) и Региональный фонд
поддержки православного образования и просвещения
«Серафим» (www.seraphim.ru), 2006.

Кафедра
библеистики МДА

Фонд
«Серафим»

Москва
2006

**Библиография трудов
Д.С. Леонардова (1871-1915),
посвященных учению о богоухновенности
Священного Писания**

(все доступны с сайта <http://www.bible-md.ru>)

1. Учение о богоухновенности Священного Писания мучей апостольских // Вера и разум, 1898, 5.
2. Учение о богоухновенности Священного Писания апологетов II века // Вера и разум, 1901, 9, 11, 13.
3. Теория богоухновенности в Александрийской школе. Теория Климента Александрийского // Вера и разум, 1906, 1-3.
4. Теория богоухновенности в Александрийской школе. Теория Оригена // Вера и разум, 1906, 4-6, 9-12; 1907, 18.
5. Учение свт. Иоанна Златоуста о богоухновенности Библии // Вера и разум, 1912, 3-12.
6. Учение о богоухновенности Священного Писания в средние века // Вера и разум, 1897, I:2; 1899, I:1.
7. Полурационалистические учения среди протестантов о богоухновенности Священного Писания (XVI-XVII вв) // Вера и разум, 1900, I:2.
8. Учение о богоухновенности Священного Писания со времени реформации (XVI в.) // Вера и разум, 1899, I:2.
9. Вербальные теории богоухновенности среди западных богословов в XVII веке // Вера и разум, 1900, 15-16.
10. Теории вдохновения и происхождения Священного Писания на Западе в XVIII-XIX веках: историко-критический очерк // Вера и разум, 1903, 3, 5-8, 12-14, 16-18, 22, 23; 1904, 18, 20.
11. Догматические определения о богоухновенности и употреблении Священного Писания в Римо-католической Церкви (IX-XVI вв) // Вера и разум, 1900, I:1.
12. Теории вдохновения и происхождения Священного Писания на Западе в прошлом [XIX] столетии // Вера и разум, 1904, 18, 20, 22-24.

Догматическая определенія о богодухновенности и употребленіи св. Писанія въ римско-католической церкви (IX — XVI вв.).

Насколько часто учение о богодухновенности св. Писания излагалось въ богословскихъ трудахъ и проповѣдяхъ римско-католическихъ богослововъ въ средніе вѣка, настолько рѣдки были догматическая определенія его самой церкви. Одною изъ причинъ было то, что догматъ о богодухновенности не подвергался въ средніе вѣка какимъ-либо существеннымъ измѣненіямъ до появленія лютеранскаго ученія о безусловномъ значеніи св. Писанія, какъ единственнаго источника религіозныхъ вѣрованій. Недостатокъ этихъ определеній показываетъ, что и къ религіозной жизни Запада отчасти примѣнимъ тотъ законъ, что церковныя определенія догматовъ появляются въ связи съ ерсями и сектами, враждебными имъ.

Общей характерной чертой догматическихъ определеній о св. Писаніи римской церкви была та неподвижность, та полная бездѣятельность религіозной мысли, на которую осуждались ими простые міряне въ отношеніи къ богооткровенному учению. Въ этихъ определеніяхъ проводится самая рѣзкая грань между двумя частями церкви: духовными лицами и мірянами; міряне слѣпо должны подчиняться авторитету іерархіи и не только не имѣютъ права разсуждать о предметахъ вѣры, но даже и не должны читать св. Писаніе, подъ опасеніемъ властъ въ ересь. Многія изъ подобныхъ запретительныхъ мѣръ служатъ яркимъ выраженіемъ суроваго деспотизма римской іерархіи, особенно главы ея—папы, возникшаго изъ строгой

дисциплины ея надъ грубою массою варварскихъ народовъ, принявшихъ христіанство отъ Рима. Нельзя сомнѣваться, что этотъ деспотизмъ не согласенъ съ взглядами православныхъ богослововъ: они вовсе не исключаютъ дѣятельность человѣческаго разума въ дѣлѣ усвоенія св. Писанія, а только ставятъ ее въ извѣстныя границы, опредѣляемыя вселенскимъ сознаниемъ Церкви.

Въ догматическихъ опредѣленіяхъ западной Церкви о св. Писаніи часто повторяется формула: „*Credimus* (или *credo*), *Novi et Veteris Testamenti unum esse auctorem Deum et Dominum omnipotentem*“. Употребленіе этой формулы на Западѣ весьма древне. Она встрѣчается еще въ V-мъ вѣкѣ въ актахъ четвертаго каѳоліческаго собора (419)¹⁾, который безъ сомнѣнія, направлялъ ее противъ дуалистического раздѣленія Ветхаго и Нового Завѣта гностиками. Слово „*Testamentum*“ соборъ употреблялъ именно въ смыслѣ книгъ Ветхаго и Нового Завѣта, а не въ общемъ значеніи ученія о спасеніи людей. Это доказывается уже тѣмъ, что свои возраженія гностики прежде всего направляли противъ ветхозавѣтной письменности, а уже потомъ противъ содержанія ея²⁾. Въ томъ же пятомъ вѣкѣ папа Левъ великий († 461) употребляетъ выраженія: Богъ есть авторъ св. Писанія (*Deus est auctor Scripturae*)³⁾; Писанія написаны перстомъ Божіимъ (*digito Dei scriptae*)⁴⁾. Въ шестомъ вѣкѣ папа Григорій великий († 604), по вопросу объ авторѣ книги Іова, писалъ слѣдующее: „Совершенно излишне разсуждать о томъ, кто написалъ это, такъ какъ авторомъ книги справедливо должно почитать св. Духа“ (*cum tamen auctor libri Spiritus Sanctus fideliter creditur*)⁵⁾.

¹⁾ *Credo etiam Novi et Veteris Testamenti, Legis et Prophetarum et Apostolorum unum esse auctorem Deum et Dominum omnipotentem* (См. Hordouin. Tom. I pag. 97°).

²⁾ Подробный анализъ выраженія „*auctor Testamenti*“ см. Bleek, Einleitung ins Alte Testament § 16 и Kaulen, Einleitung in die Heilige Schrift. Seit 2. Auft. I. Уже Тертулліанъ употреблялъ слово *Testamentum* въ указанномъ нами смыслѣ: (*Adv. Marc. IV, 1*): *duos deos dividens* (*Marcion*) *alterum alterius instrumenti vel quod magis usui est dicere Testamenti*. Cfrr. Ириней: *Adv. haer. Lib. IV, cap. 12.* n 3 (Migne VII. 1005).

³⁾ Appendix (Migne LVI. 880).

⁴⁾ *De Pass. Dom. serm. 18.* n 3.

⁵⁾ *Praef. ad Moral n. 2. 3* (Migne LXXV. 517).

Собственно въ средніе вѣка формулой ученія о Богѣ, какъ авторѣ св. Писанія, пользуется папа Левъ IX (1054) въ вѣроисповѣданіи, предложенномъ антіохійскому епископу Петру. Въ этомъ вѣроисповѣданіи, которое съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени читается католическими епископами, при посвященіи ихъ въ епископскій сань, папа говоритъ: „Я вѣрюю также въ Духа Святаго, говорившаго чрезъ пророковъ. Я вѣрюю, что только одинъ—авторъ Новаго и Ветхаго Завѣта, закона, пророковъ и Апостола: всемогущій Господь и Богъ“¹⁾.

Какой смыслъ этой доктринальной формулы? не тождественно ли ученіе объ авторствѣ Бога съ вербальной теоріей вдохновенія (*inspirationis verbalis*)? не исключается ли имъ самодѣятельность и авторскій трудъ самихъ св. писателей? Латинское слово „auctor“, тождественное съ французскимъ „auteur“, англійскимъ „author“ и нѣмецкимъ „Autor“, по употребленію въ классической прозѣ, означаетъ того, отъ котораго происходитъ что-либо (=originator). Въ католическихъ доктринахъ оно весьма часто имѣетъ общее значеніе и, въ приложении къ Богу, предполагаетъ, что Богъ есть общая и первая причина всѣхъ тварей, поскольку онъ зависитъ отъ Него въ своемъ бытіи и дѣйствіяхъ, а Самъ Онъ пребываетъ безусловно независимъ. Въ приложении же къ Богу, какъ автору св. Писанія, слово это получаетъ частное значеніе, а именно: Богъ есть первый и важнѣйшій виновникъ св. книгъ (*causa principalis*), въ отличіе отъ св. писателей, какъ второстепенныхъ причинъ (*causae secundariae, causae instrumentales*)²⁾.

¹⁾ H. Denzinger: *Enchiridion symbolorum*. 1888. pag. 104. нр. 296.

²⁾ Кардиналъ Францелинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ взаимоотношеніе двухъ причинъ: *Si Deus (causa prima) dicitur auctor (adeoque per se causa) libri, excluditur causa secunda agens ut causa per se, h. e. virtute propria sibi inherente: unde vicensim si homo (causa secunda) sensu proprio est et dicitur auctor libri, eo ipso negatur Deum (causam primam) esse libri auctorem, non tamen excluditur, ut per se constat, generalis concursus causae primae, qui nul latenus importat Deum esse auctorem libri, nisi absurde loquendo Deum dicere velis auctorem omnium librorum. Sive vero Deus sive homo sit auctor libri, in neutra hypothesi excluditur causa instrumentalis, per quam causa principalis (Deus vel homo) agat et efficiat sui libri existentiam* (Francelin. *Tractat. de div. Scripturae thes.* III pag. 342) Cnfr. „*De divina bibliorum inspiratione*“ *Dissertation dogmatica*. Ios. Crets. Lovanii. 1886. Caput II. Articul. I pag. 105—116 и *De inspirationis Bibliorum vi ac ratione*. Schmid. Brixinae. 1885. Lib. II cap. 3. нр. 73. 74 и др.

Въ этомъ смыслѣ догматическая формула: „Deus est auctor Testamenti“ отнюдь не заключаетъ въ себѣ одобренія вербальной теоріи, но говорить только, что св. книги написаны подъ Божественнымъ вліяніемъ, такъ что Богъ есть „auctor primarius“ священныхъ книгъ, а писатель той или другой книги есть „auctor secundarius“.

Въ началѣ XIII-го вѣка, по распоряженію папы Иннокентія III (1198—1216), вальденсы при возвращеніи въ католичество обязаны были произносить слѣдующее исповѣданіе: „Мы вѣруемъ, что одинъ и тотъ же Господь есть авторъ Нового и Ветхаго Завѣта (novi et Veteris Testamenti unum eundem auctorem esse Dominum credimus)¹⁾.

Соблазнительное злоупотребленіе св. книгами вальденсовъ и альбигойцевъ побудили того же папу въ 1199 году обратиться къ епископу Меча съ слѣдующимъ посланіемъ: „Достопочтенный братъ нашъ, епископъ Меча, въ своемъ письмѣ извѣстилъ насъ, что значительное число мірянъ и даже женшинъ въ его епископствѣ и городѣ желаетъ читать св. Писаніе, евангелія, посланія ап. Павла, псалмы и книгу Іова, въ переводѣ на французскій языкъ. Въ то время, какъ некоторые приходскіе священники хотѣли вразумить ихъ въ этомъ, они въ лицо имъ противостояли и утверждали, что они могли бы въ св. Писаніи найти основанія, доказывающія, что стремленія ихъ преиятствовать не должно. Нѣкоторые изъ нихъ даже высокомѣрно презираютъ простодушіе этихъ священниковъ. Когда же чрезъ нихъ предлагается имъ слово спасенія, они съ тайнымъ сѣтованіемъ говорятъ, что оно гораздо яснѣе выражено въ ихъ книгахъ, что они сами сумѣютъ объяснить его гораздо лучше, чѣмъ священники. Хотя ихъ желаніе понимать св. Писанія и давать по нимъ наставленія—не достойно порицанія, а наоборотъ заслуживаетъ уваженіе, однако вѣкоторые міряне въ этомъ отношеніи справедливо достойны порицанія: они преиятствуютъ св. собраніямъ и присвоиваютъ себѣ званіе проповѣдниковъ Христа. Справедливо нѣкогда опредѣлено въ Божественномъ законѣ, чтобы никто необразованный и неученый не присвоивъ себѣ право

¹⁾ H. Denzinger. Enchiridion symbolorum. 1888. num. 367.

понимать высочайшія тайны св. Писанія (*sublimitatem Scripturae sacrae*) или даже проповѣдывать Христа“¹⁾).

Въ этомъ посланіи папы Иннокентія III собственно иѣть еще рѣшительного осужденія переводовъ Библіи на національные языки. Однако, общій духъ этого посланія весьма благопріятенъ католическимъ священникамъ, осуждавшимъ желаніе мірянъ имѣть Библію на родномъ французскомъ языкѣ. Законно отрицая стремлѣнія мірянъ быть самозванными учителями въ Церкви, папа уже слишкомъ сурово противополагаетъ римско-католическую іерархію необразованнымъ и неученымъ массамъ народа.

Односторонняя забота о виѣшнемъ единствѣ католической Церкви послужила поводомъ провинціальному собору французскихъ епископовъ, происходившему въ 1229 году въ Тулузѣ, совершенно запретить читать Библію мірянамъ въ странахъ, взволнованныхъ сектами. „Мы запрещаемъ мірянамъ обладать книгами Ветхаго и Новаго Завѣта, развѣ только когда кто, по благоговѣнію, пожелаетъ имѣть псалтирь или молитвенникъ для священной службы. Строго воспрещаемъ имѣть книги, переведенные на народный языкъ“²⁾). Здѣсь выражено первое подлинное запрещеніе мірянамъ читать св. Писаніе. Хотя римско-католические богословы пытаются оправдать его тѣмъ гибельнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась современная южная Франція, благодаря многочисленными сектамъ, однако попытки эти не могутъ быть признаны удачными.

Общее Божественное вдохновеніе св. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта выражено въ вѣроисповѣданіи папы Клиmentа IV, предложенномъ имъ въ 1267 году византійскому императору Михаилу Цалеологу. Оно было читано императоромъ предъ папою Григоріемъ X-мъ на ліонскомъ соборѣ въ 1274 году. „Мы вѣруемъ также“, говорится здѣсь, „что одинъ авторъ Новаго и Ветхаго Завѣта, закона, пророковъ и Апостола: Богъ и всемогущій Господь“³⁾.

¹⁾ Migne, ser. lat. T. 214, pag. 695. Cufri.: Stimmen aus Maria Laach. 1893. Band II, Seit 396.

²⁾ Mansi T. XXIII, pag. 194. Labb. XI. 430. can. XIV.

³⁾ H. Denzinger. Enchirid. symbol. 1888. pag. 133. numer. 386.

Въ 1277 году парижскій епископъ Стефанъ, съ согласія папы Іоанна XXI, осудилъ догматическія заблужденія нѣкоего лжеучителя Бентуса (Bentus), проповѣдывавшаго авергоеvскую ересь. Какъ одно изъ заблужденій его указано то, что послѣдователи его предпочитаютъ ученіе философовъ католической вѣры и мнѣнія уже осужденныхъ язычниковъ истинамъ св. Писанія¹⁾.

Однако, запрещая чтеніе и объясненіе Библіи простымъ мірянамъ, римско-католическая церковь заботилась о методическомъ изученіи ея въ высшихъ школахъ, служившихъ разсадниками іерархіи. Въ этомъ отношеніи весьма характерно опредѣленіе вѣнскаго собора (1311), принятое въ „Sorgis juris canonici“ западной церкви. Соборъ этотъ призналъ необходимъ объясненіе св. Писанія въ богословскихъ трудахъ и пастырскихъ проповѣдяхъ, а для лучшей постановки дѣла находилъ весьма цѣлесообразнымъ изученіе восточныхъ языковъ. „А чтобы знаніе языковъ чрезъ дѣйствительное изученіе ихъ могло надлежащимъ образомъ достигать цѣли, мы предписываемъ опредѣленіемъ сего священнаго собора, чтобы въ школахъ были учреждены отдѣлія нижепоименованныхъ языковъ тамъ, где всегда имѣеть свое мѣсто пребываніе римскій дворъ, а также въ высшихъ школахъ Парижа, Оксфорда, Болоньи и Саламанки, и опредѣляемъ, чтобы въ каждомъ изъ названныхъ мѣстъ были поставлены католические мужи, которые бы обладали достаточнымъ знаніемъ еврейскаго, арабскаго и халдейскаго языковъ, и именно по два—для каждого. Они должны руководить школами, вѣрно переводить книги съ этихъ языковъ на латинскій, усердно учить названнымъ языкамъ другихъ и чрезъ тщательное преподаваніе распространять знаніе ихъ, такъ чтобы достаточно наученные въ этихъ языкахъ сами могли достигнуть ожидаемыхъ послѣдствій“²⁾.

Если сопоставить это опредѣленіе вѣнскаго собора съ совершеннымъ запрещеніемъ мірянамъ читать Библію тулузскимъ соборомъ, то станетъ понятно, какимъ образомъ могла быть вырыта непроходимая пропасть между паствою и іерархіей католической церкви.

¹⁾ Denzinger. Enchirid. symbolorum num. 398. pag. 135.

²⁾ Clement. Lib. V. I cap. 1.

На абсолютную достовѣрность св. Писанія указывалъ папа Іоаннъ ХІІ (1334). Поводомъ къ этому были односторонне-аскетическая требование нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ, совершенно отрицавшихъ, на основаніи ложно понятыхъ пріемъровъ Христа и апостоловъ, право на владѣніе какою-либо собственностью. Подобный ригоризмъ папа объявилъ предосудительнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, онъ явно противорѣчить св. Писанію, а, во-вторыхъ, защитники его открыто предполагаютъ, что и самое св. Писаніе, на которомъ основываются члены вѣры, содержитъ въ себѣ примѣсь лжи, подрывающей достовѣрность св. Писанія¹⁾.

Вообще папы среднихъ вѣковъ проводили весьма строгіе взгляды на богоухновенность и непогрѣшимость св. Писанія. Такъ Бенедиктъ ХІІ (въ XIV в.) въ посланіи къ армянамъ приписывалъ одинаковую богоухновенность какъ непосредственно относящимся къ религіи истинамъ, такъ и нерелигіознымъ, въ родѣ, напр., извѣстія книги Бытія, что Богъ положилъ знакъ на Каина, чтобы никто, встрѣтившись, не убиль его (Быт. IV, 15)²⁾.

Противъ переводовъ Библіи и религіозныхъ трактатовъ Джона Уиклифа провинціальныі соборъ англійскихъ епископовъ въ Оксфордѣ (1408) опредѣлилъ: на будущее время никто не долженъ переводить текстъ св. Писаній на англійскій или какой-либо другой народный языкъ; никто не долженъ также читать составленный Уиклифомъ переводъ, подъ угрозою отлученія отъ Церкви. Соборъ сдѣлалъ исключеніе только для переводовъ, одобренныхъ епископами мѣстнаго діоцеза или даже, въ случаѣ надобности, провинціальными соборомъ³⁾. Хотя это

¹⁾ Denzinger. Enchiridion symbolorum. 1888 pag. 139. num. 419: Cum Scripturae (haec sententia) contradicat expresse, ipsamque Scripturam Sanctam, per quam utique fidei orthodoxae probantur articuli, quoad praemissa fermentum aperte supponat continere mendacii, ac per consequens, quantum, in ea est, ejus in totum fidem evacuans.

²⁾ Item dicunt, quod signum posuit Deus non occidendi Cain, et ita fuit ad literam, quia secundum eos nullus eum occidit, sed ipse se de praecepitiis submisit. Ex quo innuunt Scripturas Geneseos quoad haec esse falsa, quae videtur dicere, quod Lamech interfecit eum. Это мнѣніе у Raynald 1341, pag. 278.

³⁾ Quousque per loci diocesanum, seu si res exegerit, per concilium provinciale ipsa translatio fuerit approbata. Labb. XI. 2095.

постановлениe оксфордского собора составлено въ духѣ римско-католической куріи, однако у англійскихъ епископовъ замѣчается меныше нетерпимости къ переводной Біблії, нежели какъ у епископовъ французскихъ и нѣмецкихъ.

Въ видахъ распространенія положительныхъ знаній св. Писанія, соборъ базельскій (1434) возобновилъ опредѣленіе вѣнскаго. „Начальники церкви должны поставить въ своихъ діоцезахъ и провинціяхъ особыхъ наставниковъ св. наукъ, а въ общественныхъ гімназіяхъ—учителей четырехъ языковъ: греческаго, еврейскаго, арабскаго и халдейскаго, знаніе которыхъ могло бы помочь при обращеніи въ христіанство невѣрующихъ народовъ“.

Особое догматическое опредѣленіе о богодухновенности св. Писанія дано въ декретѣ о яковитахъ: „Cantate Domino“, постановленномъ на флорентійскомъ соборѣ папою Евгеньемъ IV въ 1442 году. „Римская церковь твердо вѣрюетъ, исповѣдуется и объявляетъ, что одинъ Богъ, Отецъ, Сынъ и Святый Духъ,—творецъ всего видимаго и невидимаго. Одного и того же Бога она признаетъ авторомъ Ветхаго и Новаго Завѣта, то есть, закона, пророковъ и евангелія, такъ какъ тѣмъ же самымъ Духомъ Святымъ говорили святые обоихъ завѣтовъ, книги которыхъ принимаетъ и почитаетъ церковь. (Слѣдуетъ перечень св. книгъ). Кромѣ того, она отвергаетъ неразумное учение манихеевъ, признающихъ два первыя начала: одно—для видимыхъ вещей, другое—для невидимыхъ, и утверждающихъ, что одинъ былъ Богъ Новаго Завѣта и другой—Ветхаго“¹⁾). По объясненію католическихъ богослововъ, выраженіе о Богѣ, какъ авторѣ Новаго и Ветхаго Завѣта, равносильно: Богъ есть авторъ св. книгъ обоихъ Завѣтовъ. Добавочное разъясненіе: авторъ закона, пророковъ и евангелія, предполагаетъ обычное раздѣленіе св. книгъ. Выраженіе: „quoniam eodem Spiritu

¹⁾ Decretum pro Iacobitis „Cantate Domino“: „Firmissime credit, profitetur et praedicat (sacrosancta Romana Ecclesia) unum verum Deum, Patrem et Filium et Spiritum Sanctum esse omnium visibilium et invisibilium creatorem.. Unum atque eundem Deum Veteris et Novi Testamenti, hoc est Legis, Prophetarum atque Evangelii profitetur auctorem, quoniam eodem Spiritu Sancto utriusque Testamenti sancti locuti sunt, quorum libros suscipit et veneratur, qui titulis sequentibus continentur. См. Denzinger. Enchirid. symbol. 166. nv. 600.

Sancto utriusque Testamenti sancti locuti sunt “ несомнѣнно взято изъ второго посланія ап. Петра (I, 21). Само по себѣ изреченіе св. апостола можетъ относиться какъ къ устной, такъ и къ письменной рѣчи богоуспновенныхъ авторовъ, но здѣсь оно, очевидно, указываетъ на св. книги. Это видно изъ дальнѣйшей прибавки: „*quorum libros suscipit et veneratur*”, а также изъ прилагаемаго перечисленія самыхъ книгъ¹⁾.

На безусловную непогрѣшимость св. Писанія указывалъ папа Климентъ VI въ четырнадцатомъ вопросѣ, предложенномъ въ числѣ другихъ армянскому патріарху: „Вѣрилъ ли ты и еще вѣриши ли, что Новый и Ветхій Завѣтъ во всѣхъ книгахъ, которыя передалъ намъ авторитетъ римской Церкви, содержать во всемъ (per omnia) несомнѣнную истину“? ²⁾

Въ концѣ XV-го вѣка архіепископъ майнцкій (1485), по поводу появленія нѣмецкихъ переводовъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, писалъ слѣдующее: „Мы видимъ, что книги Христа, которыя содержатъ въ себѣ службы литургіи и, кроме того, написаны о Божественныхъ вещахъ и возвышенѣйшихъ тайнахъ нашей вѣры, переведены съ латинскаго языка на нѣмецкій, и не безъ вины противъ религіи ходятъ по рукамъ въ народѣ. Кто изъ мірянъ, необразованныхъ и женскаго пола, въ рукахъ которыхъ находились книги св. Писанія, получилъ вѣрное пониманіе ихъ? Видятъ только текстъ евангелія или посланій ап. Павла, но не дается никакого вразумленія о томъ, что многое къ нимъ должно дополнить изъ другихъ писаній“ ³⁾.

Однако, эти слова католического прелата вовсе не убѣдительны, какъ доказательство вреда, приносимаго простому народу переводами Библіи. Наоборотъ, они свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ пагубнымъ равнодушіемъ римско-католическая

¹⁾ См. напр. комментарій на этотъ декретъ папы Евгенія IV у Crets'a, *De divina bibliorum inspiratione. Diss. dogmatica.* Lovani. 1886. pag. 52.

²⁾ „Quartodecimo, si credidisti et adhuc credis, Novum et Vetus Testamentum in omnibus libris, quos Romanae Ecclesiae nobis tradidit auctoritas, veritatem indubiam per omnia continere“. Raynald 1351 pag. 529. Cnfr. Natalis Alex. Hist. eccles. XV. 105. editio Ringen. 1789.

³⁾ Walther. W. „Die deutsche Bibelübersetzung des Mittelalters. Band I. Seit. 207.

ієархія среднихъ вѣковъ относилась къ религіознимъ потребностямъ мірянъ читать Библію на общепонятномъ нарѣчії. Въ словахъ архіепископа замѣтно только горделивое сознаніе ієархіческаго превосходства предъ необразованными мірянами, но нѣтъ ни малѣйшаго признака заботы о томъ, чтобы дать народу Библію въ хорошемъ и исправленномъ переводѣ.

Завершеніемъ зданія средневѣковаго католичества былъ тридентскій соборъ (1545—1563), на которомъ римская церковь окончательно обособила себя не только отъ протестанскаго общества, но и отъ святой восточной церкви. На этомъ соборѣ были даны догматическія опредѣленія понятія о богодухновенности, а также установлены подробныя дисциплинарныя правила объ изъясненіи его. Направляя и тѣ и другія собственно противъ крайностей религіозной революціи XVI вѣка, тридентскій соборъ въ свою очередь допустилъ отступлѣнія отъ вселенской пераздѣльной церкви, а именно: онъ употребилъ не точную и неправильную формулу для выраженія догмата о богодухновенности, произвольно расширилъ канонъ св. писаній и оказалъ предпочтеніе латинскому тексту Вульгаты предъ оригинальнымъ текстомъ св. Писанія.

Должно, впрочемъ, замѣтить, что опредѣленія тридентскаго собора имѣютъ совершенно практическій характеръ и относятся не къ идеальному образу св. Писанія, а къ исторически-конкретной формѣ его¹⁾. Такъ какъ протестанты, отвергнувъ св. Предапіе, тѣмъ болѣе цѣнили авторитетъ св. Писанія и *implicite* вдохновеніе его, то богословы тридентскаго собора не считали нужнымъ подробно излагать ученіе о самомъ существѣ Божественного вдохновенія. Наоборотъ, нападки протестантовъ на канонъ св. Писанія побуждали ихъ особенно настаивать на каноническомъ достоинствѣ книгъ Ветхаго и Нового Завѣта, а среди измѣпчивыхъ формъ св. текста указать опредѣленную норму въ латинской Вульгатѣ. Таковы были цѣли, которыя поставилъ себѣ тридентскій соборъ въ чет-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи деяреты тридентскаго собора были совершеннаю противоположностью диссертаций католическихъ богослововъ, напр. Шимса, Крестса и др., выставившихъ ехъ *professo* опредѣлить существо вдохновенія путемъ холастическихъ спекуляцій и абстракцій отъ исторически-конкретной формы Библии.

вертомъ засѣданіі 1). Соответственно ходу занятій собора, здесь были постановлены два декрета: догматический и дисциплинарный, имѣющіе отношеніе къ ученію о богоухновенности.

Въ первомъ декретѣ, постановленномъ 8-го апраля 1546 года, „de canonice scripturis“ говорится слѣдующее: „Господь нашъ Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, сперва собственными устами проповѣдалъ евангеліе, обѣщанное въ св. Писаніи чрезъ пророковъ, потомъ певелъ проповѣдать его своимъ апостоламъ всей твари, какъ источникъ всякой спасительной истины и правило нравственности. Тридентскій соборъ исповѣдуетъ, что эта истина и ученіе содержатся въ писанныхъ книгахъ и неписанныхъ преданіяхъ (et sine scripto traditionibus), которыя припяты апостолами изъ устъ самого Христа или же дошли до насъ отъ самихъ апостоловъ подъ диктантъ св. Духа, какъ бы переданныя изъ рукъ въ руки (Spiritu Sancto dictante quasi per manus traditae). Послѣдня примѣру православныхъ отцевъ, соборъ съ одинаково-благочестивою готовностью и благоговѣніемъ принимаетъ и почитаетъ всѣ книги Ветхаго и Нового Завѣта—такъ какъ одинъ Богъ—авторъ обоихъ, а также принимаетъ и самыя преданія какъ тѣ, которыя относятся къ вѣрѣ и нравственности, такъ и тѣ, которыя продиктованы изъ устъ Христа или же Святымъ Духомъ, и съ непрерывною послѣдовательностью сохраняются въ католической церкви. Соборъ полагаетъ, что къ этому опредѣленію должно присоединить перечень св. книгъ, чтобы ни для кого не оставалось сомнѣнія, какія книги приняты Синодомъ (следуетъ перечень ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ).—А если кто всѣ эти книги, въ ихъ цѣломъ объемѣ, со всѣми ихъ частями, какъ онъ обыкновенно читаются въ католической церкви и содержатся въ древнемъ латинскомъ изданіи Вульгаты, не принимаетъ какъ священныя и каноническія—тотъ да будетъ отлученъ“ 2).

1) Кромѣ того, соборъ выражается о богоухновенности въ Sess. V, cap. I in princ: ne coelestis ille sacrorum librorum thesaurus, quem Spiritus Sanctus summa liberalitate hominibus tradidit....

2) Concil. Trident. IV. Sessionis. Decret. I: „Sac occumenica et generalis Tridentina Synodus... percipiens, hanc veritatem et disciplinam contineri in libris scriptis et sine scripto traditionibus, quae ex ipsius Christi ore ab Apostolis

Этотъ декретъ подвергался многочисленнымъ толкованіямъ со стороны католическихъ богослововъ¹⁾. Что касается выраженія „cum utriusque Testamenti unus Deus sit auctor“, то по общему признанію оно относится къ Богу, какъ виновнику св. книгъ, а не только ветхозавѣтнаго домостроительства вообще. По мнѣнію Паллавичини, историка тридентскаго собора, это ясно уже изъ того, что выраженіемъ этимъ въ сущности возобновлялась тождественная формула флорентійскаго собора о Богѣ, какъ авторѣ св. книгъ²⁾. Начальныя слова декрета о евангеліи, обѣщанномъ прежде чрезъ пророковъ въ св. писаніяхъ (*Evangelium.... promissum ante per prophetas in scriptis sanctis*), имѣютъ тотъ смыслъ, что св. писатели были богоухновенны, при самомъ написаніи св. книгъ. Божественное происхожденіе соборъ приписывается не только св. книгамъ, но и неписаннымъ преданіямъ (*quippe a Christo vel a Spiritu Sancto dictatae*). Всѣ эти отдельныя положенія декрета не заключаютъ въ себѣ что-либо новое, несогласное съ древнецерковными взглядами на богоухновенность св. Писанія.

Но въ декрѣтѣ о богоухновенности употреблено неудачное и источное выраженіе, которое, къ сожалѣнію, получило весьма широкое употребленіе у многихъ изъ католическихъ догмати-
acceptae, aut ab ipsis Apostolis, Spiritu Sancto dictante, quasi per manus traditae, ad nos usque pervenerunt, orthodoxorum patrum exempla secuta, omnes libros tam Veteris quam Novi Testamenti (cum utriusque unus Deus sit auctor), nec non traditiones illas, cum ad fidem, tum ad mores pertinentes, tamquam vel ore tenus a Christo, vel a Spiritu Sancto dictatas, et continua successione in ecclesia Catholica conservatas, pari pietatis affectu ac reverentia suscepit ac veneratur... (Sequitur index Libr. sacr.: „Genesis... Eadrae primus et secundus, qui dicitur Nehemias, Tobias, Judith, Esther... Sapientia, Ecclesiasticus... duo Machabaeorum primus et secundus“...). Si quis autem libros ipsos integros cum omnibus suis partibus, prout in ecclesia catholica legi consuerunt, et in veteri vulgata latina editione habentur pro sacris et canoniciis non suscepere ... anathema sit“.

¹⁾ См. напр. Crets De divina bibliorum inspiratione. Dissertatio dogmatica. Lovani. 1886 pag. 53—56 и др.; Schmid, De inspirat. bibliorum vi ac ratione. Brixinae. 1885 pag. 4—6; num 6—7; Kleuten, Institut. theol. num. 852; Francelin, De Trinit. thes. IV. num. I; Die Schriftinspiration. Dausch. Freiburg in Breisgau. Seite 227—233; § 1: Loisy, Histoire du Canon de l’Ancien Testament. Paris. 1890 p. 212 и др.

²⁾ V. Pallavicini, Hist. Concil. Trid. I. VI, cap. XI пп. 11—15. Cf. Crets. Loc. cit. pag 53: „Synodus Tridentina renovare voluit decretum Florentinum“.

стовъ, а именно: „Scripturas esse a Spiritu Sancto dictatas“. Какой смыслъ имѣть примѣненіе глагола „dictare“ (диктовать) къ таинственному акту богодухновенности? Сами католическіе богословы—не согласны въ разшеніи этого вопроса. Одни изъ нихъ сознаются, что выраженія: „Spiritu Sancto dictante“, или „Scripturae a Spiritu Sancto dictatae“ благопріятствуютъ вербальной теоріи вдохновенія, а потому разрешительно предостерегаютъ отъ объясненій ихъ, въ духѣ старо-протестанскихъ теорій¹⁾. Но другіе защищаютъ терминологію собора. Объ употреблениіи „dictatae a Spiritu Sancto“ говорятьъ: „должно предупреждать употребленіе его лишь въ томъ случаѣ, если бы диктованіе можно было представлять не иначе, какъ диктованіе на каѳедрѣ профессора, который только чрезъ произнесеніе словъ сообщаєтъ ученикамъ свои мысли и диктуетъ ихъ подъ перья. Диктованіе св. Духа именно можно понимать иначе, чѣмъ какъ думали древніе протестанты“²⁾. Въ пользу примѣненія глагола: „dictare“ къ учению о богодухновенности приводятъ будто-бы интересы вѣры и богословія, а также исторія употребленія этого слова до Тридентскаго собора³⁾. Нужно замѣтить, что самъ нынѣшній папа Левъ XIII одобрилъ терминологію собора. Въ не такъ давно обнародованной энциклике: „De studiis Scripturae Sacrae“ онъ пишетъ слѣдующее: „Всѣ книги и притомъ цѣлые, которыя Церковь принимаетъ какъ книги священныя и каноническія, со всѣми ихъ частями написаны подъ диктанты св. Духа“⁴⁾.

Вопросъ о правильности догматической формулы тридентскаго собора можетъ быть разрѣшенъ только при посредствѣ той же исторіи богословской терминологіи, на которую ссыла-

¹⁾ См. критическая замѣчанія на книгу Langen „Einleitung ins Neue Testament“ въ Nr. 28 des Bonner Literaturblattes vom Jahre 1868, Seit 640.

²⁾ In „Katholik“ Jahrg. 1868. Seit 640.

³⁾ In „Katholik“ zur Inspirationslehre des heiligen Concils von Trient vom Jahre. 1868. December. Seit. 672.

⁴⁾ „Libri omnes atque integri, quos Ecclesia tamquam sacros et canonicos recipit, cum omnibus suis partibus Spiritu Sancto dictante conscripti sunt“. На основаніи главнымъ образомъ этихъ словъ старокатоликъ Рейшъ, защитникъ теоріи „ограниченного вдохновенія“, причисляетъ папу Льва XIII къ вербалистамъ въ духѣ старо-протестантскихъ ортодоксаловъ (См. „Revue internationale de Theologie“. Его „гезисы о богодухновенности св. Писанія“. Іюнь).

ются ея защитники. Что касается Библіи, то она отнюдь не благопріятствуетъ выражению: „Scriprurae a Spiritu Sancto dictatae“. Св. апостоль Павель пользуется для выражения мысли о богодухновенности словомъ „θεοπνευστια“ (2 Тим. III, 16), заимствованнымъ, вѣроятно, изъ книги Ветхаго Завѣта¹⁾. Въ Вульгатѣ это слово переведено чрезъ: „inspiratio“²⁾. Всѣ важнѣйшіе переводы этого понятія, а именно Цешито зеопскій и арабскій—весьма близки къ оригиналу³⁾. Они предполагаютъ мысль о Божественномъ внущеніи, о личномъ вдохновеніи св. писателей, даже о пѣкоторомъ ощущеніи какъ бы Божественного дыханія⁴⁾. Св. ап. Петръ называетъ св. писателей движимыми Духомъ Святымъ (ὑπὸ Πνεύματος Αγίου φερόμενοι) (2 Пет. I, 21), что предполагаетъ мысль о господствующемъ воздействиіи св. Духа, Который какъ бы восхищалъ св. людей и дѣлалъ ихъ послушными орудіями Своей всесвятой воли. Аналогичные выраженія о Божественномъ вдохновеніи представляютъ у ап. Іоанна „διδάχτηκο τοῦ Θεοῦ“ (VI, 45) и у ап. Павла „θεοδιδάχτο“ (1 Оесс. IV, 9). Какъ безсодержательна и бѣдна, сравнительно съ подобными выраженіями самого св. Писанія формула тридентскаго собора, даже въ той смягченной редакціи, которую даетъ ей энциклика Льва XIII! Образы, употребленные въ Божественномъ Откровеніи о богодухновенности св. писателей, далеко не могутъ быть признаны равнозначущими съ писаніемъ подъ диктовку (dictamen).

¹⁾ См. напр.: Числь, XXIV, 2; 1 Цар. X, 6. 10; 2 Парал. XV, 1; Йезек. XI, 5; Иса. LXI, 1; ἡ ἀγία καὶ θεοπνευστὴ νοούθεσια. 2 Мак. VI, 23. Отсюда выражение Евангелій: „ἐν πνεύματι“ (Мате. XXII, 43 и Апокалипсиса (I, 10; IV, 2; XVII, 3 и др.) и „θεόπνευστο λόγια“ Филона Александрийскаго.

²⁾ „The Vulgate“, говорить Вильямъ Ли, „translates θεόπνευστος, 2 Тим. III, 16 „divinitus inspirata“; and φερόμενοι: 2 Петр. 1, 21: „inspirati“ The „versio itala“ employs the substantive, „inspiratio Omnipotentis“ (Іов. XXXII, 8; XXXIII, 4); where the LXX has προὺ δὲ πνευματοχεῖτορος:—in the former of these texts the Vulgate employs „inspiratio“, in the latter: „spiraculum Omnipotentis“ The Inspiration of Holy Scripture. William Lee. Dublin. Fifth edition. pag. 246).

³⁾ Эти переводы можно видѣть въ „Real-encyklopädie“. Herzog'a. 1 Aufl. Band. sechster. Leipzig 1887. Seit. 747.

⁴⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о значеніи слова „θεοπνευστιа“ для вопроса о взаимоотношеніи между св. писателями и св. Духомъ См. Winer Grammatik. § 16. Seit 88. 6-e Aufl. 1885, и Baumgarten-Crusius. Grundzüge der bibl. Theologie. Seit. 235.

Словоупотребленіе отцевъ восточной Церкви также весьма близко къ библейскому. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на диктованіе св. Духомъ мыслей и словъ св. писателямъ. Изъ мужей апостольскихъ св. Игнатій Богоносецъ учитъ, что пророки вдохновлялись, благодатію Божіей. (ἐπινεόμενοι ὑπὸ τῆς χάριτος τοῦ Θεοῦ)¹⁾. Св. Феофиль Антіохійскій два раза называетъ св. писателей вдохновенными (*πνευματοφόροι*)²⁾ Мураторіевъ фрагментъ говоритъ о важнѣйшихъ фактахъ жизни Господа, какъ открытыхъ въ евангеліяхъ „владычественнымъ, высочайшимъ Духомъ“ (upo ac *principali Spiritu declarata*)³⁾. Климентъ Александрійскій называетъ евангелія составленными по вдохновенію св. Духа (*Πνεύματι θεοθορηθέντα*)⁴⁾. Оригенъ опредѣляетъ самый процессъ вдохновенія, когда учитъ, что св. книги „были написаны по вдохновенію (ἐξ ἐπιπνοίας) св. Духа, по волѣ Отца всѣхъ, чрезъ Іисуса Христа“⁵⁾. Подобными же терминами пользуется Ипполитъ: онъ называетъ св. писателей „получившими вдохновеніе силы Отца“ (*τῆς πατρῷας δυνάμεως τὴν ἀποπνοίαν λαζόντες*)⁶⁾. Вообще же для выраженія мысли о богодухловенности св. отцы греко-восточной Церкви пользуются словомъ: „θεοπνεύστιа“. Оно часто употребляется у Іустина Философа⁷⁾, Климента Александрийскаго⁸⁾, Оригена⁹⁾, Евсевія Кесарійскаго¹⁰⁾, Григорія Нисскаго¹¹⁾, Аѳанасія Александрийскаго¹²⁾, Василія

¹⁾ *Epistol. ad Magnes. cap. VIII. 2* (*Opera patr. apostol. Func. 1878. Tubingae.*

²⁾ *Ad Autol. II. 22; III. 12.* Два раза онъ прилагаетъ этотъ эпитетъ къ писателямъ Нового Завѣта. Сюда же можно отнести весьма большое мѣсто, относящееся преимущественно къ пророкамъ Ветхаго Завѣта: οἱ δὲ τοῦ Θεοῦ ἄνθρωποι, πνευματοφόροι: Πνεύματος Ἀγίου καὶ προφῆται γενόμενοι, οἵτινες θεοπνευσθέντες καὶ σοφισθέντες ἐγένοντο θεοδιδάκτοι καὶ δικαιοὶ (*II. 9 pag. 354. Editio Bened. Paris. 1742.*)

³⁾ Это выраженіе напоминаетъ Псал. L, 14 ст. ἡγεμονίκῳ πνεύματι (по LXX).

⁴⁾ У Евсевія Кесарійскаго *Histor. Eccles. VI. 14. 7.*

⁵⁾ *De princip. IV. 9.* ⁶⁾ *Contr. Noct. 11.*

⁷⁾ *Cohort. ad Graec. cap. 38 pag. 35. Cnfr. Dialog. cum Tryph. cap. VII p 109. (Edit. Bened. Paris. 1742).*

⁸⁾ *Strom. VII. 16. §§ 101. 103; I, 20 § 98; Protrept. 9. § 87=θεοπνευσθέντας γράμματα; Coh. cap. VI и др.*

⁹⁾ *De princip. IV. 8; Lommatzsch XXI. 496 и др.*

¹⁰⁾ *Histor. eccles. III. 4. 7.*

¹¹⁾ *Contr. Eunom. Orat. VI; Tom. II, pag. 605; Orat. V, tom. I pag. 300 (Paris. 1638).*

¹²⁾ *Epist. Festal. T. I pag. 962; De incarn. cap. XIV T. I pag. 881; ibid. cap. XVIII. pag. 884 (Edit. Bened. 1698).*

Великаго¹⁾, Іоанна Златоуста²⁾ и многихъ другихъ. Слово это встрѣчается даже въ рѣчи, обращенной императоромъ Константиномъ къ епископамъ, собравшимся на никейскомъ соборѣ³⁾. Шолагаемъ, что изложенная нами краткая историческая справка—вполнѣ достаточна для доказательства, что восточному богословію было чуждо ученіе о вдохновеніи, какъ о своего рода Божественномъ диктованіи, или диктантѣ.

Но и у отцевъ и учителей Церкви западной, вплоть до бл. Августина, по большей части, если не исключительно, употребляется для выраженія мысли о богодухновенности слова: „*divina inspiratio*“, или *afflatus*. Такъ Климентъ Римскій называетъ св. писанія написанными по вдохновенію (*πνευματικῶς* = *afflatu*)⁴⁾. Св. Ириней Ліонскій говоритъ о св. апостолахъ, что они, послѣ того какъ облечены были силою св. Духа, сошедшаго на нихъ свыше, были исполнены и обладали совершеннымъ знаніемъ во всемъ⁵⁾). Тертулліанъ описываетъ св. писателей, какъ имѣющихъ души, преисполненные (*inundatos*) св. Духомъ⁶⁾). По мнѣнію Баура, именно благодаря Тертулліану, слово „*inspiratio*“ вошло во всеобщее догматическое употребленіе на Западѣ⁷⁾). Для примѣра можно указать на выраженіе егъ: „*Legimus omnem Scripturam aedificationi habilem, divinitus inspirari*“⁸⁾). Тертулліанъ никогда не называетъ св. Писанія продиктованными (*dictatae*) св. Духомъ; обычныя у него названія для св. книгъ—следующія: „*Dei voces, Scriptura divina, divinum instrumentum, divina literatura, sacro-sanctus stilus*“⁹⁾). То же нужно сказать и о св. Кириллѣ: онъ называетъ св. Писанія: „*divini fontes, divina magisteria*.

¹⁾ Regula XXVI. t. II pag. 256 (Edit. Bened. 1721. Paris).

²⁾ Homil. IX in 2 Tim. T. XI pag. 715 (Edit. Ben. 1718).

³⁾ Theodoret. Hist. Eccles. I 6. (edit. Schulze).

⁴⁾ Epistol. I, XLVII.

⁵⁾ Adv. Haer. III. 1. 1: *de omnibus adimpteti sunt* (=ἐπληροφορηθησαν).

⁶⁾ Apol. cap. 18.

⁷⁾ Dogmengeschichte Seit 387

⁸⁾ De cultu Fem. Lib. I, cap. III pag. 171 (Editio Rigalt. Paris. 1634) Срв.: *Nec mirum, si Apostolus eodem utique Spiritu actus, quo cum omnis Scriptura Divina, tum et illa Genesis .. (De oratione cap XXI (ap. Routh, „Script. Eccl. Opusc. T. I p. 114).*

⁹⁾ Срв. Inspiration. Ficht lectures. W. Sanday. London. 1894. Pag. 29.

praeaccepta divina, divina et sancta traditio, а иногда опредѣляетъ его, какъ „illa, quae Deus loquitur“ ¹⁾. Св. Амвросій Медіоланскій характеризуетъ иногда актъ богодухновенности, какъ управление (ministerium) св. Духомъ св. писателей, безъ всякаго напряженія ихъ силъ ²⁾). Наконецъ, даже о бл. Августинѣ можно съ увѣренностью сказать, что обычнымъ и наиболѣе употребительнымъ выраженіемъ для богодухновенности св. Писанія у него было: „divina inspiratio“, но не „dictamen“. Сверхъ-естественные акты сообщенія Откровенія св. писателямъ, равно какъ и самого писанія св. книгъ у бл. Августина обыкновенно называются Божественнымъ вдохновеніемъ (divina inspiratio) ³⁾, Божественнымъ внушеніемъ (Spiritus ⁴⁾), divinitus suggestio) ⁵⁾, а сами св. писатели—мужами богопросвѣщеными, людьми вдохновенными (homines inspirati) ⁶⁾). Въ многочисленныхъ мѣстахъ своихъ твореній бл. Августинъ выражается, что Духъ Святый вдохновлялъ пророковъ и апостоловъ ⁷⁾, дѣйствовалъ въ св. писателяхъ ⁸⁾, былъ во пророкахъ, когда они изрекали Писанія ⁹⁾ и т. п. Очевидно, что и исторія западнаго богословія далеко не можетъ служить къ оправданію словоупотребленія тридентскаго собора. Западъ, несомнѣнно, не считалъ слово „dictamen“ вполнѣ точнымъ и соответствующимъ для выраженія акта вдохновенія, а потому еще болѣе неосновательнымъ и неоправданнымъ является употребленіе его въ декретѣ собора, гдѣ требовалась особая осторожность и разборчивость въ выраженіяхъ.

Собственно употребленіе слова „dictamen“, какъ техническаго, хотя и далеко неточнаго, термина, въ приложеніи къ

¹⁾ Ad Fortun. cap. 4.

²⁾ In Luc. proem. num. 3 „Divino Spiritu ubertatem dictorum rerumque omnium ministrante sine ullo molimine coepta compleverunt“. Но особенно: „In Scriptura Divina „θεοπνευστος“ omnis ex hoc dicitur, quod Deus inspiret, quae loquutus est Spiritus (De Spiritu Sancto, Lib. II, cap. 16. T. II. pag. 688; Edit. Ben. Paris. 1686).“

³⁾ De cons. evang. Lib. III, cap. 13, num. 48 и др.

⁴⁾ Confess. Lib. VI; cap. 5 п. 7 (Edit. Ben. Paris. 1679).

⁵⁾ De cons. evangel. Lib. II. cap. 19. п. 44.

⁶⁾ Tractatus in Ioann. evang. I; num. 1.

⁷⁾ De incarnatione Verbi ab Iannuarium. Lib. I. cap. 1.

⁸⁾ De doctr. christ. Lib. III, cap. 38; De civit. Dei Lib. XVIII, cap. 42.

⁹⁾ De civitate Dei Lib. XVIII, cap. 43.

ученію о богодухновенности, не восходитъ ранѣе IV-го вѣка. Правда, еще Ириней Лионскій называлъ св. Писанія „a Verbo Dei et Spiritu Ejus dictae“ ¹⁾, но глаголь „dicere“, хотя и одного корня съ „dictare“; существенно отличается отъ послѣдняго по значенію. Наиболѣе часто употреблялъ слово „dictamen“ бл. Августинъ. Классическимъ считается то мѣсто въ сочиненіи: „De consensu evangelistarum“, где онъ называетъ св. писателей руками Господа и говоритъ о диктованіи главы—Христа своимъ членамъ апостоламъ ²⁾). Однако, если прочитаемъ это мѣсто въ контекстѣ, то прежде всего увидимъ здѣсь образное указаніе на отношеніе, бывшее между Христомъ—учителемъ и апостолами—учениками. Между Богочеловѣкомъ и Его избранными учениками, по мысли бл. Августина, была такая же органическая связь, какая существуетъ между главою и руками въ человѣческомъ тѣлѣ ³⁾). Поэтому, если апостолы суть руки Христа, то только въ томъ смыслѣ, что они суть члены того тѣла, котораго глава—Христосъ. Если апостолы писали то, что узнали отъ главы диктующей (*dictante capite cognoverunt*), то это значитъ, что въ своихъ писаніяхъ они передали намъ то ученіе, какое преподалъ имъ Господь, когда жилъ съ ними на землѣ. Слова „*dictante capite cognoverunt*“ не указываютъ на актъ вдохновенія, но имѣютъ отношеніе только къ ученію Господа, преподанному апостоламъ во время земной Его жизни. Ясно говорить бл. Августинъ: „чemu Онъ хотѣлъ научить насть о своихъ дѣлахъ и словахъ, то повелѣлъ записать апостоламъ, какъ своимъ рукамъ“ ⁴⁾).

Слово „dictamen“ употребляетъ также Григорій Великій, когда говоритъ о книжѣ Іова, что есъ написалъ собственно тотъ, кто диктовалъ то, что должно было писать (*ipse haec*

¹⁾ S. Irenaeus. Contr. haer. Lib. II cap. XXVIII. 2. (Edit. Bened. Paris. 1710).

²⁾ Itaque cum illi scripserunt, quae ille ostendit et dixit, nequaquam dicendum est, quod ipse non scripserit, quandoquidem membra ejus id operata sunt, quod dictante capite cognoverunt. Quidquid enim ille de suis factis et dictis nos legere voluit, hoc scribendum illis tamquam suis manibus imperavit. (De cons. evang. Lib. I, cap. 35. n. 54; Editio Ben. Paris. 1679).

³⁾ De cons. evang. Lib. I, cap. 35 num. 54.

⁴⁾ Ibidem. n. 54.

scripsit, qui scribenda dictavit¹⁾). У бл. Иеронима встречается выражение: „non tantum donante, verum etiam dictante Spiritu²⁾. Исидоръ Испалійскій, подобно Григорію Великому, называетъ авторомъ св. Писанія св. Духа, Который и диктовалъ св. писателямъ то, что должно было писать³⁾. Однако, въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ самихъ св. писателей авторами⁴⁾. Въ средніе вѣка выраженія о Божественномъ диктанѣ встречаются у Рабана Мавра, архіепископа майнцкаго⁵⁾, у Валафрида Страбона⁶⁾ и др. Вообще же относительно употребленія слова „dictamen“ можно сказать слѣдующее: слово это собственно получило широкое распространеніе въ средніе вѣка, благодаря твореніямъ бл. Августина; при позднѣйшемъ своемъ происхожденіи, оно встречается сравнительно довольно рѣдко, такъ какъ техническими выраженіями все же остаются: *inspiratio* или *afflatus*. У бл. Августина слово „dictamen“ было такимъ же метафорическимъ образомъ, какимъ была лира, смычекъ, артистъ, перо—у древнѣйшихъ отцевъ церкви. Самый смыслъ этого слова определить довольно трудно: въ классической прозѣ и у св. отцевъ церкви оно часто означаетъ не диктованіе, а новелльпіе и побужденіе къ чему-либо⁷⁾.

Все это, вмѣстѣ взятое,—образный характеръ слова, неопределенность смысла, позднѣйшее употребленіе—достаточно характеризуетъ неточность и неопределенность догматической формулы тридентскаго собора. Во всякомъ случаѣ, само по себѣ выраженіе собора: „Scripturae a Spiritu Sancto dictatae“ весьма близко къ крайнему ученію о вербальномъ вдохновеніи св. книгъ, и не можетъ быть оправдано ни исторіей догмата, ни интересами вѣры, такъ какъ далеко не выражаетъ существа Божественного вдохновенія.

¹⁾ Praef. ad Moral. n. 2. 3. (Migne LXXV. 517).

²⁾ Epistol. 82, 2. (XXXIII. 276).

³⁾ Lib. I de offic. cap. 12 n. 13. (Romae 1802, tom. VI p. 377). Сравни: Lib. III. cap. 50 (Migne LXXXII. 235).

⁴⁾ Etymol. Lib. VI. cap. 2. n. I.

⁵⁾ Migne T. 107. pag. 367. De cleric. instit. cap. 54.

⁶⁾ Praef. de canoniciis et non canoniciis libris (въ „Bibl. sacr. cum gloss. ordinari. Duaci.“ 1617): „Canonici libri sunt confecti Spiritu Sancto dictante“.

⁷⁾ Die Schriftinspiration. Dausch. 1891. Seit 86: „Ist wahrscheinlich, dass „dictare“ bei den Vatern oft befehlen, veranlassen bedeutet.“

Но римско-католические богословы пытаются оправдать словоупотребление тридентского собора не одною исторіею, но и цѣллю самого декрета приравнять устное преданіе письменному¹⁾. Это основаніе еще слабѣе первого. Для опроверженія его достаточно замѣтить, что самое грамматическое построение декрета настолько неудачно, что нѣкоторые изъ римско-католическихъ богослововъ приходили къ неслыханному заключенію, будто написанное слово Божіе—преданіе—продиктовано св. Духомъ, а написанное—Библія—не продиктовано!²⁾

Д. Леонардовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Обоснованіе этого положенія см. у V. Pallavicini. Histor. concil. Trid. pag. 672.

²⁾ Die Schriftinspiration. Dausch. 1891. Seit 229. Нужно замѣтить, что протестанты видятъ въ этомъ декретѣ четвертой сессіи Тридентского собора полную канонизацію (die vѣllige Kanonisation) ложнаго понятія о полномъ тождествѣ Преданія съ вѣросознаніемъ церкви. Если бы смыслъ декрета былъ только тотъ, что одно и то же ученіе евангелія, первоначально проповѣданное живымъ голосомъ апостоловъ, было потомъ изложено и передано въ писаніяхъ, то съ протестантской стороны ничего было бы желать большаго. „Videri posset, hoc tantum velle, unam et eandem esse doctrinam Evangelii, quam Apostoli primum voce tradiderunt, et postea libris scriptis complexi sunt“, говорилъ Хемницій (Examen Concilii Trident. Pars. I. pag. 5). Къ сожалѣнію, на тридентскомъ соборѣ принципъ св. Преданія, дѣйствительно, возвышенъ до крайности въ ущербъ Слову Божію, точно такъ же, какъ у протестантовъ это сдѣлано наоборотъ. Критика протестантовъ имѣеть основаніе въ томъ, что чрезъ всю систему средневѣковаго католичества, вплоть до кардинала Бellarmina, проходятъ ложные взгляды на св. Преданіе, намѣренныя искаженія его, даже вставки и подлоги, унаследованные затѣмъ начальниками новыхъ временъ.

Догматичнія опредѣленія о богодухновенности и употребленіи св. Писанія въ римско-католической церкви (IX — XVI вв.).

(Окончаніе *)

Послѣ общаго и притомъ, какъ мы видѣли, весьма неудачнаго опредѣленія богодухновенности Св. Писанія, тридентскій соборъ предлагає перечисленіе самыхъ книгъ церковнаго канона. Многоразличіе переводовъ св. книгъ и даже отдельныхъ вариантовъ одного и того же перевода побудило соборъ указать какую-либо одну опредѣленную норму библейскаго текста. Этимъ объясняются конечныя слова декрета: „Si quis autem libros ipsos integros cum omnibus suis partibus, prout in veteri vulgata latina editione habentur, pro sacris et canonicis non suscepereit anathema sit“¹⁾.

Такъ какъ названія: „священная и каноническая книга“ на богословскомъ языкѣ равнозначущи слову: богодухновенная (inspirata), то не можетъ быть сомнѣнія, что въ декретѣ идетъ рѣчь именно о богодухновенности св. книгъ, содержащихся въ Вульгатѣ. Священными и каноническими названы здѣсь цѣлые книги, со всѣми ихъ частями (integri. cum omnibus partibus).

Что разумѣеть тридентскій соборъ подъ выражениемъ: „cum omnibus partibus“? Выраженіе это столько же неопределенно и неточно, какъ и упомянутое уже о диктованіи св. книгъ Св. Духомъ. Въ пониманія его католические богословы до сихъ поръ не пришли къ согласію. Одни объясняютъ слова („cum omnibus partibus“) въ смыслѣ повсемѣстного безъ исключенія

*) См. ж. „Вѣра и РАЗУМЪ“ за 1900 г., № 8.

1) Если же кто и цѣлые книги, со всѣми ихъ частями, какіи имѣються въ древнеческѣ латинскому изданіи вульгаты, не признаетъ священными и каноническими .. тоъ да будетъ анаѳематствованъ.

вдохновенія св. Писанія ¹⁾). Но такъ какъ соборъ имѣлъ въ виду Вульгату, то отсюда съ логическою необходимостью слѣдовалъ бы выводъ о всецѣлой богоодухновенности этого латинскаго перевода Библіи. Другіе предполагаютъ въ словахъ „*sicut omnibus partibus*“ девтероканоническія части книги Есфирь, Даніила ²⁾ и даже нѣкоторые фрагменты евангелій (напр. Марк. XVI, 9—20; Лук. XXII, 43. 44. Іоан. VII, 53; VIII, II и др.) ³⁾. Но противъ этого возражаютъ, что на предварительныхъ засѣданіяхъ собора, до 8 Апрѣля, не было рѣчи о девтероканоническихъ частяхъ Библіи ⁴⁾. Это, впрочемъ, не помѣшало нѣкоторымъ изъ католическихъ богослововъ подъ словами „*sicut partibus*“ разумѣть не только отдѣльные флагменты, но даже такие сравнительно большіе отдѣлы Библіи, какъ напр. разсказъ Моисея о твореніи міра въ первой главѣ книги Бытія ⁵⁾. Можно указать еще на одно мнѣніе такого рода: декретъ собора утверждаетъ не формальную исповреждаемость Библіи, по материальну полноту ея; поэтому подъ спорнымъ выраженіемъ должно понимать все, что относится къ содержанію св. книгъ ⁶⁾.

Наконецъ, нѣкоторые изъ римско-католическихъ богослововъ пытаются примирить между собою перечисленныя мнѣнія. Они разсуждаютъ такъ: хотя подъ спорной формулой триентскій соборъ разумѣлъ девтероканоническія книги, но этому не противорѣчить строгое пониманіе ея въ смыслѣ повсюдного вдохновенія Вульгаты. Ко времени собора, древній переводъ Вульгаты существовалъ только въ идеальной формѣ, въ дѣйствительности же были въ обращеніи различныя рецензіи древней Вульгаты. Поэтому, соборъ называлъ каноническимъ и священнымъ собственно только то, что постоянно и неизмѣнно

¹⁾ Такт. Денцингеръ, Маппингъ, Шеебень и др.

²⁾ P. Vercellone. *Sulla autenticita delle singole parti della Bibbia Vulgata.* Срав. Theol. Lit. Blatt. 1867 pag. 404.

³⁾ Lagabriae., *Acta conc. Trid.* Срав. Crets. loc. cit. 269.

⁴⁾ P. Corluy, *La Controverse et le contemporain Mai 1885. Comme in evang. San. Ioh. ad cap. 8.*

⁵⁾ Francelin, *Appendix Loc. 580.*

⁶⁾ Geschichte der Vulgata. Seit 388. Сравни это же *Einleitung in das Alte Testam.* 1 Aufl. Freiburg n. 2°.

находится въ первоначальномъ текстѣ Вульгаты, а чего въ немъ нѣтъ, къ тому опредѣленіе собора не относится¹⁾). Точно такой же смыслъ придаютъ эти богословы термину „подлинность“, приложеному къ Вульгатѣ, во второмъ декретѣ четвертаго засѣданія. Соборъ указалъ на Вульгату, какъ на обязательное и официальное для всей католической Церкви изданіе Библіи. Мотивомъ для этого было то, что Церковь не можетъ получить никакой пользы, если не будетъ ясно определено, какое именно изъ различныхъ латинскихъ изданій (*editiones*) Библіи подлинное (*si ex omnibus editionibus quaenam pro autentica habenda sit, innotescat*). Но, говорить, это подлинность, вовсе не абсолютная, заключающая въ себѣ всѣ совершенства оригинала какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Нѣтъ, это подлинность только относительная, далеко не исключающая погрѣшностей и недостатковъ. Центръ тяжести этого понятія заключается не во внутренней, но во вѣшней подлинности, которая предполагаетъ внутреннюю достовѣрность перевода Вульгаты²⁾.

Въ этомъ послѣднемъ миѳпіи, пессомнѣнно, есть значительная доля истины. Что тридентскій соборъ подъ спорной формулой разумѣлъ именно неканоническія книги, это видно уже изъ того, что опредѣленіе его собственно было направлено противъ протестантовъ. Протестанты же не только отвергали неканоническія книги, какъ апокрифы, но даже и несомнѣнно каноническія книги, какъ напримѣръ посланіе ап. Іакова, выбрасывали изъ канона. Въ пользу этого говоритъ и самый

¹⁾ „Besonders kritisch steht aber die Sache nur beim Komma Iohanneum. Da aber dasselbe nicht bloss in den alten Codices und bei den Vätern fehlt, sondern auch in den Codices der Wulgata bis zum Jahre 800 sich nicht findet, so fällt es nicht nothwendig unter das Decret. des Tridentinums“ (Schanz. Apologie II. 344. Срав. Aberle—Schanz. Einleitung ins Neue Testament, Seit. 122. Точно также: Kaulen, Geschichte der Vulgata. Seit 388).

²⁾ По этому вопросу Кауленъ пишетъ: а) „Die Vulgata enthält im ganzen genommen keine Offenbarungslehre, die nicht auch der ursprungliche Text enthielte, wenn auch nicht immer an gleicher Stelle in beiden Schriftstücken (Подобный взглядъ см. у Рейша въ „Katholik“, 1860) б) Die Vulgata hat distributive an allen einzelnen Stellen das Richtige, und da, wo der Grundtext anders lautet, ist eine Textesverderbtheit eingetreten. (Geschichte der Vulgata, Mainz. 1868. IV Seit 386).

контекстъ декрета, въ которомъ, на ряду съ протоканоническими книгами, перечислены и девтероканоническая. Несомнѣнно и то, что изъ всѣхъ западныхъ латинскихъ переводовъ Библіи соборъ одобрилъ, въ качествѣ офиціального и нормального, именно древній переводъ Вульгаты.

Можно ли признать это опредѣленіе тридентскаго собора согласнымъ съ здравыми попытіями о богоухновенности и каноничности св. книгъ? Не доказываетъ ли оно, наоборотъ, что даже въ учениі о канонѣ св. книгъ тридентскій соборъставилъ себѣ задачею обоснити католическую церковь не только отъ либерального критицизма протестантовъ, но и отъ православной восточной, вселенской церкви?

Несомнѣнно, что именно съ XVI вѣка, со времени тридентскаго собора, получило всеобщее распространеніе среди римско-католическихъ богослововъ дѣленіе св. книгъ на протоканоническую и девтероканоническую. Какія же это книги? По опредѣленію самихъ католическихъ богослововъ (напр. Перроне), книги протоканоническая и девтероканоническая суть книги какъ Ветхаго, такъ и Нового Завѣта. Протоканоническихъ книгъ Ветхаго Завѣта, по свидѣтельству Іосифа Флавія, двадцать двѣ, а именно, всѣ, кромѣ книги Варуха, Товита, Премудрости, Екклезіаста и двухъ книгъ маккавейскихъ, которыя позднѣе внесены въ канонъ, а потому и называются „девтероканоническими“. Книги протоканоническая Нового Завѣта суть всѣ, исключая посланія ап. Павла къ евреямъ, второго посланія ап. Петра, двухъ послѣднихъ посланій ап. Іоанна, посланія ап. Іакова, ап. Гуды и Апокалипсиса. Кроме того, къ девтероканоническимъ частямъ Библіи пѣкоторые богословы относятъ фрагменты книгъ Ветхаго Завѣта, а именно: гимнъ трехъ отроковъ (Дан. III, 24—90), исторію Сусанны (см. гл. XIII), исторію о Вилѣ и Зміѣ (XIV) изъ книги пророка Даніила и семь послѣднихъ главъ книги Есфирь (отъ X, 4 до XVI, 24). Что касается книгъ Нового Завѣта, то девтероканоническими здѣсь считаются: во-первыхъ, послѣдніе стихи XVI главы евангелия Марка (отъ 9 ст. до конца); во-вторыхъ, разсказъ св. Луки о кровавомъ потѣ Спасителя

(ХХII, 43, 44), и въ третьихъ, исторія прелюбодѣйной жены (Іоанн. VIII, 2—12) ¹⁾.

Какой смыслъ имѣеть это дѣленіе? Протестанты приравниваютъ пеканонической книги точно такъ же, какъ и девтероканонической (по терминологіи католиковъ), къ апокрифамъ, а потому въ самомъ дѣленіи ихъ видятъ признаніе меньшаго догматическаго и нравственнаго значенія книгъ девтероканоническихъ, сравнительно съ протоканоническими ²⁾. Въ доказательство этого, они указываютъ даже на блаж. Іеронима. „Среди новозавѣтныхъ писаній, какъ и ветхозавѣтныхъ, есть различіе между каноническими въ тѣсномъ смыслѣ и апокрифическими. Это послѣднее название употребляетъ Іеронимъ именно объ „antilegomena“, и обозначаетъ ихъ, какъ такія, „quae Ecclesia legit ad aedificationem plebis“ (т. е. для назиданія), но которыми Церковь не пользуется „ad auctoritatem ecclesiasticorum dogmatum confirmandam“ (т. е. для утвержденія догматовъ) ³⁾. Однако, такое мнѣніе протестантовъ опровергается прямыми заявленіями самыхъ католическихъ богослововъ. Церковь, говорять они, не относить название „девтероканонической“ къ писаніямъ, признаннымъ за каноническую. Но цѣль ея вовсе не та, чтобы выразить свое мнѣніе о меньшемъ догматическомъ и нравственномъ значеніи ихъ. Появившееся не раньше XVI вѣка название это обозначаетъ только книги, принадлежащія къ другому канону, нежели тотъ, который былъ принятъ іудеями, а именно къ канону христіанской Церкви ⁴⁾. Въ Церкви католической обыкновенно называются девтероканоническими тѣ писанія, равно какъ и тѣ части Нового Завѣта, каноничность которыхъ была никогда оспариваема. Протоканоническими же называютъ тѣ, каноничность которыхъ никогда не была предметомъ сомнѣній. Слово „девтероканони-

¹⁾ I. Perrone. Praelect. theologicae. Tom. II. Pars 2; pag. 12 Morgunt. 1843.

²⁾ Zoeckler. Die Apokryphen d. Alt. Test. Munchen 1891. Seit 22; Keerl, Dic Apokryphen der Alt. Test. Ein Zeugniss wider dieselben. Leipzig, 1852. Seit. 164.

³⁾ Der Briefe an die Hebr. Einleitung Tholuck. cap. VI. Seit 86.

⁴⁾ Die Autoritat der deuterocanon. Bucher der Alt. Test. (Munster. 1893) pag. I: „Ist es doch nicht ihre Absicht, damit eine geringere Meinung von den deuteroc. Buchern hinsichtlich ihrer dogmatischen und ethischen Geltung documentieren zu wollen.“

ческій" не предполагаетъ никакого различія съ точки зрѣнія каноничности, потому что всѣ книги, известныя въ Церкви, какъ вдохновенныя, суть одинаково каноническія. Свидѣтельство Церкви относительно божественности ихъ происхожденія—одно для всѣхъ и не допускаетъ степеней. Различіе между протоканоническими и deuteroканоническими книгами не иное имѣетъ значеніе, какъ только съ точки зрѣнія исторіи. Оно напоминаетъ о старыхъ сомнѣніяхъ, въ тѣ времена, когда подтверждалась каноничность тѣхъ писаній, относительно которыхъ эти сомнѣнія происходили¹⁾.

Итакъ, тридентскій соборъ призналъ одинаковый авторитетъ за книгами каноническими и неканоническими, потому что отвергъ различіе между ними съ точки зрѣнія догмы, а допустилъ только различіе историческое, или точнѣе—хронологическое. Повидимому, соборъ, произвольно увеличивая канонъ св. книгъ, руководился самымъ строгимъ понятіемъ о богодухновенности ихъ, въ духѣ вербальной теоріи. Въ дѣйствительности же, его опредѣленіе столько же благопріятствуетъ и теоріи „ограниченного вдохновенія“, которая не отдаляетъ библейскія книги отъ другихъ писаній и лѣко объясняетъ колебанія относительно канона у іудеевъ тѣмъ, что не признаетъ богодухновенности, какъ особаго благодатнаго дара (*charisma sui generis*). Уже это внутреннее самопротиворѣчіе подрываетъ авторитетъ решения тридентскаго собора. Еще болѣе оно оказывается несостоятельнымъ передъ судомъ исторіи св. канона. Сами же католические богословы, какъ напр. кардин. Белларминъ, утверждаютъ, что Церковь никоимъ образомъ не можетъ сдѣлать изъ неканонической книги каноническую и наоборотъ. Она только можетъ объявить, какую именно книгу должно почитать за каноническую, и это не безъ основанія и не по желанію, но по свидѣтельству древнихъ²⁾. Между тѣмъ

¹⁾ См. обѣ этомъ Loisy, *Histoire du Canon de l' Ancien Testament* Paris, 1890 pag. 6: „La distinction des protocanoniques et des deutero canoniques n'a de valeur qu'au point de vue de l' histoire: elle retient le souvenir des anciens doutes en m me temps qu'elle affirme la canonicit  des  crits touchant lesquels ces doutes se sont produits“.

²⁾ *Ecclesiam nullo modo posse facere librum canonicum de non canonico nec contra, sed tantum declarare quis habendus canonicus, et hoc non temere nec*

этихъ-то свидѣтельствъ древности и не хватаетъ неканоническимъ книгамъ Ветхаго Завѣта. Съ послѣднимъ пророкомъ Малахію, названнымъ „печатью закона“ и жившимъ въ первое время по возвращеніи іудеевъ изъ вавилонскаго плѣна, замолкъ голосъ пророчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончилось и появление новыхъ богоусповѣденыхъ книгъ. Между тѣмъ, какъ всѣ книги, существовавшія въ ветхозавѣтной церкви, были собраны Ездрою въ одинъ цѣльный составъ, или канонъ, всѣ другія, хотя и были включены въ такъ называемый александрийскій кодексъ LXX, однако не были приравнены къ этимъ послѣднимъ, какъ небогоусповѣденныя. Во время Христа ветхозавѣтный канонъ былъ несомнѣнно тотъ же самый, какой и при Ездрѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ младшій современникъ Господа, Іосифъ Флавій. „У насъ“, пишетъ онъ, „нѣтъ множества книгъ, разногласящихъ между собою, у насъ—только двадцать двѣ книги, которыя содержатъ въ себѣ повѣствованія всѣхъ временъ и въ которыя, по справедливости, вѣруютъ какъ въ божественные книги“¹⁾). Канонъ евреевъ, несомнѣнно, достоинъ вниманія, потому что имъ, по выраженію ап. Павла, „вѣрена быша словеса Божія“ (Рим. III, 2). Кромѣ того, онъ призnaется, какъ таковой, и цитуется св. писателями Новаго Завѣта, а этого отнюдь нельзя утверждать о книгахъ неканоническихъ. Наоборотъ, писатели книгъ неканоническихъ нерѣдко не только ничего не говорятъ объ особенномъ сверхъестественномъ вліяніи на нихъ св. Духа, но прямо указываютъ только на собственные усиленія и собственные побужденія при написаніи (напр. 2 Макк., 2, 24 и др.). Какимъ же началомъ руководились римскіе богословы, включая неканоническія писанія въ канонъ богоусповѣденыхъ книгъ? На четвертомъ засѣданіи триентскаго собора было опредѣлено, что нѣтъ нужды соображаться съ іудеями, которые не внесли нѣкоторыхъ книгъ въ кодексъ богоусповѣденія pro arbitratu, sed ex veterum testimoniis (см. у Poertner. Die Autoritat der deuterocanon. Bucher der. Alten Testam., Münster. 1893 pag. 1 п.).

¹⁾ Οὐ γὰς μαριᾶδες βιβλίων εἰσὶ παρὸντι ἀπομφωνοῦ καὶ μαχομένων δοῦ μόνα πρὸς τοὺς εἴκοσι βιβλία τοῦ παντος ἔχοντα χρονοῦ τὴν αναγραφὴν, τὰ δικαιῶς θεῖα πεπιστευμένα (См. contr. Apion. Lib. I. cap. 7. T. II pag. 440. Edit. Havercamp. Amster. 1726).

ныхъ, а должно слѣдоватъ преданію собственно христіанской церкви. Между тѣмъ христіанская новозавѣтная церковь принялъ именно всѣ св. ветхозавѣтныя книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были содержимы въ ветхозавѣтной церкви.

Въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе имѣеть LX канонъ лаодикійского собора (около 363 г.), одобренный отцами собора Трульскаго (692). Здѣсь ветхозавѣтныя книги исчисляются именно въ количествѣ двадцати двухъ, какъ и у Іосифа Флавія¹⁾). Такой же объемъ имѣеть ветхозавѣтный канонъ у Мелитона Сардійскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Григорія Назіанзена, Амфілохія Ікокійскаго, Іоанна Дамаскина и др.²⁾. Правда, нѣкоторые изъ западныхъ соборовъ, по почину карѳагенскаго третьаго (397), наряду съ каноническими книгами Ветхаго Завѣта, перечисляютъ и неканоническія. Какъ объяснить это? Соборы западные вовсе не имѣли въ виду приравнивать неканоническія книги (=девтероканоническія) къ книгамъ безспорно канопическимъ, по прости указывали на нихъ, какъ весьма полезныя для назиданія христіанъ. Безъ сомнѣнія, по этой же причинѣ въ канонахъ соборовъ упоминаются акты мучениковъ³⁾). Дѣйствительно, еще св. Аѳанасій Александрійскій упоминаетъ, что неканоническія книги Ветхаго Завѣта были назначены отцами церкви для чтенія вступающимъ въ церковь⁴⁾.

¹⁾ Предлагаемъ этотъ канонъ (LX) съ вариантомъ профессора Цана (Geschichte der Kanon. B. II): "Οσα δεῖ βιβλία ἀναγνώσκειν τὰς πελαγίδας διαιθήκης α Γένεσις κύριος. β' "Εζόρος ἐξ Λιγύπτου. γ' Λευιτικόν. δ' Αριθμοί. ε' Δευτερονόμιον. σ' Ἰησοῦς Ναοῦ. ζ' Κρήτα, Ρόδον. η' Εσθῆτη. θ' Βασιλεῶν πρώτη καὶ δευτέρα. ι' Βασιλεῶν τρίτη καὶ τετάρτη. ια' Ηγιαλείπομενα πρῶτου καὶ δευτέρου. ιβ' "Εσδρας πρῶτου καὶ δευτέρου. ιγ' Βιβλος Ψαλμῶν ἑκατὸν πεντήκοντα. ιδ' Παροιμίαι Σολομῶντος. ιε' "Εκκλησιαστής. ις' "Αρια δομάτων. ισ' Ιωβ. ιτ' Δωδεκα προφῆται. ιθ' "Ησαΐας. ιχ' "Ιερεμίας καὶ Βαρούβη, Θρηγοί καὶ Επιστολαί. κε' "Ιεζεκιήλ. κβ' Δανιήλ.

²⁾ Сравни: Appendix. Chronological Table of Data for the history of the canon pag. 419—451 у W. Sanday Inspiration. Fict lectures. Second edition. London. 1894. Срав. труды по истории канона Zahn, Westcott, Ryle, Buhl, Wrede, Harnack и др.

³⁾ „Liceat etiam (по Westcott'у) legi passiones martyrum, cum anniversarii dies eorum celebrantur“ (Canon III concilii carthagin. у Sanday, 60).

⁴⁾ Такъ даже теперь въ англиканской церкви: „Our Sixt Article“, замѣчается Сендей, „begins by endorsing the Jewish Canon, and then goes on to add certain other books which it commends „for example of life and instruction of manners“ (Inspiration. Pag. 258. Second edition).

Такимъ образомъ исторія ветхозавѣтнаго какона далеко не подтверждаетъ мнѣніе римско-католическихъ богослововъ, будто каконъ христіанской Церкви—иной, нежели какой быль у евреевъ¹⁾), будто неканоническая книги только по причинѣ неосновательныхъ сомнѣній, разсѣянныхъ въ христіанской Церкви, не были признаны евреями за богоухновенныя²⁾.

Что касается такъ называемыхъ „девтероканоническихъ“ книгъ Нового Завѣта, то, дѣйствительно, авторитетъ ихъ долгое время былъ предметомъ споровъ и сомнѣній. Особенно это должно сказать объ Апокалипсисѣ св. Иоанна: его опускаютъ въ свое мѣсто перечинѣ св. книгъ даже отцы IV-го вѣка, напр.: Кириллъ іерусалимскій, Амфилохій Иконійскій, Григорій Назіанzenъ, и даже цѣлый соборъ лаодикійскій, а Евсевій Кесарійскій ставить по срединѣ между полнымъ принятіемъ и совершеннымъ отверженіемъ³⁾). Римско-католические богословы (напр. Poertner и Loisy и др.), прилагая къ этимъ книгамъ позваніе „девтероканоническихъ“, оправдываютъ его исторической точкой зренія. Однако, это—не справедливо: слово это отнюдь не можетъ похвалиться большою давностью; оно не освящено и авторитетомъ отцовъ Церкви, которые употребляли для обозначенія спорныхъ книгъ другое позваніе, а именно: „ἀπτιλεγόμενα“, въ противоположность общепризнаннымъ (*όμολογούμενα*). Но въ настоящее время, когда всякия сомнѣнія касательно подлинности и богоухновенности св. книгъ уже разсѣяны, было бы анахронизмомъ называть этимъ именемъ, напр., Апокалипсисъ или посланіе къ евреямъ; тѣмъ болѣе не основательно прилагать къ нимъ новоизобрѣтеннаго католиками позванія.

Не имѣя дѣйствительного основанія въ исторіи, терминология триентского собора и римско-католическихъ богослововъ только вноситъ большую путаницу въ понятія богоухновенности и каноничности. Въ самомъ дѣлѣ, если девтероканоническая книги—богоухновенны въ строгомъ смыслѣ, тогда са-

¹⁾ Poertner. Die Autoritt der deuterocanon. Bcher d. Alt. Testam. (Mnster. 1893 p. 1 и.).

²⁾ Loisy, Histoire du Canon de l'Ancien Testament, Paris. 1890 pag. 6.

³⁾ См., напр., Chronological table of data for the history of the Canon (449—455) Sanday. Eight lectures. Second edition. London. 1894.

мые термины: „протоканонический“ и „девтероканонический“ теряютъ всякое значеніе и дѣлаются излишними. Вѣдь всякий богословскій терминъ, употребляемый въ догматикѣ, необходимо предполагаетъ какое либо понятіе, и должно быть оправданъ самимъ существомъ догмата, а не одной его исторіей.

Нельзя признать справедливымъ и то опредѣленіе тридентскаго собора, по которому изъ всѣхъ текстовъ св. Писанія признанъ нормальнымъ латинскій текстъ Вульгаты. Конечно, богоухновенными въ строгомъ смыслѣ были только подлинники, или точнѣе автографы, вышедшия изъ-подъ пера св. пророковъ и апостоловъ и написанные, по большей части, на еврейскомъ и греческомъ языкахъ. Только эти автографы, какъ вдохновенные св. Духомъ, были совершенно свободны отъ ошибокъ, свойственныхъ людямъ по самой ихъ ограниченности, но этого нельзя сказать ни о копіяхъ съ священныхъ оригиналъвъ, ни о варіантахъ еврейского и греческаго первотекста Библіи, ни о многочисленныхъ переводахъ его на народные языки¹⁾). Тотъ текстъ и тѣ автографы, какіе представляютъ Божественный оригиналъ, по справедливому выражению кардинала Маннинга, „подобно тѣлу Моисея избавлены отъ охраны людей“²⁾). Это, однако, не значитъ, что Церковь не обладаетъ Библіей, какъ подлиннымъ памятникомъ Божественного Откровенія Ревностная забота еврейскихъ царей о сохраненіи св. книгъ въ подлинникѣ во Святомъ Святыхъ, пересмотръ св. книгъ при пророкахъ Аггѣи и Малахіи, труды Ездры служить ручательствомъ достаточной исправности еврейского текста ветхозавѣтныхъ книгъ. То же самое можно сказать и о греческомъ текстѣ Нового Завѣта. Въ пользу возможной чистоты его говорятъ ревностныя заботы о сохраненіи лучшихъ списковъ древне-христіанскихъ епископовъ, текстуальные труды Ори-

¹⁾ Конечно, противъ этого можно возражать: почему же Божественное Прорицаніе допустило ошибки переписчиковъ и разногласіе библейскихъ кодексовъ? На это можно сказать, что этимъ самимъ дается возможность людямъ науки прилагать свое усердіе къ изслѣдованию мыслей Божіихъ, и, при помощи всjomогательныхъ средствъ еи, отѣлывать золото отъ осадковъ. Христіанская церковь всегда съ радостю привѣтствовала науку, которая ставила себѣ подобныя задачи.

²⁾ H. Manning. Vernunft und Offenbarung, 1865. Deutsch von Dr. Regensburg. 1867 Seit 162. и др. (Confr. Die Schriftinspiration. Dausch. Gekrönte Preisschrift. Freibürg. 1890. Seit 208 § 9).

тена, Лукіана, Эгезиппа и безчисленного ряда новѣйшихъ ученыхъ, особенно Тишендорфа († 1874). Почему же римскіе богословы, на тридентскомъ соборѣ, одобрили какъ священный, канонический и даже подлинный не оригиналъный текстъ Бібліи, а простой и сравнительно позднѣйшій переводъ Вульгаты? Польза Церкви будто бы требовала указать на Вульгату, какъ на лучшій переводъ изъ всѣхъ, бывшихъ въ употребленіи на западѣ (второй декретъ). Но несовершенства Вульгаты были сознаваемы еще въ IX вѣкѣ, при Карлѣ Великомъ¹⁾, а въ XIII вѣкѣ францисканецъ Рожеръ Баконъ, въ видахъ улучшенія текста Вульгаты, доказалъ безусловную необходимость знать первоначальный текстъ св. Писанія²⁾. Слова декрета о повсемѣстномъ вдохновеніи св. книгъ римскіе богословы толкуютъ въ томъ смыслѣ, что богоодухновенно все то, что постоянно и неизмѣнно находится въ древнихъ спискахъ Вульгаты³⁾. „Если Церковь объявила Вульгату подлинною“, разсуждаетъ кардиналъ Маннингъ, „то этимъ она не желала сказать, что существующій въ наличности текстъ свободенъ отъ невѣрностей“⁴⁾. „Во всѣхъ частяхъ, гдѣ текстъ невѣренъ, можетъ быть ошибка. А гдѣ текстъ несомнѣненъ, тамъ ошибка, въ отношеніи содержанія этого текста, не можетъ быть допущена⁵⁾). Но какъ можно убѣдиться въ истинности и подлинности самаго текста Вульгаты, если не чрезъ сравненіе его съ еврейскимъ или греческимъ оригиналомъ?

Еще болѣе непонятно, почему тридентскій соборъ называетъ Вульгату „подлинною“, когда этотъ эпитетъ вполнѣ приличествуетъ собственно еврейскому и греческому тексту? Самое различіе между подлинностью вѣщнею и подлинностью впутреннею⁶⁾, по самой своей искусственности, не можетъ быть признано научнымъ. Единственное основаніе для декрета тридентскаго собора о Вульгатѣ можно указать въ дисци-

¹⁾ См. нашу статью: Ученіе о богоодуховенности св. Писанія въ средніе вѣка. (Вѣра и Разумъ. Октябрь. Вторая книжка. 1897 стр. 462).

²⁾ Opus majus. pag. 10. Pars. 1. cap. 6.

³⁾ См. объ этомъ Die Schriftinspiration. Dausch. Freiburg. 1890. Seit 230—231.

⁴⁾ Vernunft und Offenbarung. 1865. Seit. 162.

⁵⁾ Loc. citat. Seit 168.

⁶⁾ Die Schriftinspiration. Dausch. Freiburg. 1890. Seit 231.

плиарной цѣли его, а именно: поддержать церковное единство католицизма, расшатанного реформацией, посредствомъ введенія одной нормы въ многообразіе библейскаго текста. Но, съ этой точки зрењія, декретъ можетъ быть рассматриваемъ, какъ и определеніе соборовъ тулузскаго и оксфордскаго, въ смыслѣ насилия надъ законными религіозными требованіями народовъ читать Библію не на латинскомъ, а на своихъ родныхъ языкахъ.

Какъ далеко простираль триентскій соборъ богодухновенность на самый текстъ и букву св. Писанія? То обстоятельство, что соборъ, не дѣлаетъ строгаго различія между Вульгатою и самимъ оригиналомъ, который изслѣдуется только богословской наукой, есть одна изъ причинъ, по которой сами католические богословы даютъ на этотъ вопросъ различные отвѣты. Въ защиту теоріи „ограниченного вдохновенія“, указываютъ обыкновенно, на то, что триентскій соборъ многократно и преимущественно говоритъ объ учениіи вѣры и правственности¹⁾.

Такъ кардиналъ Ньюманъ²⁾ доказываетъ, что предметомъ вдохновенія триентскій соборъ собственно называетъ „Евангеліе, какъ источникъ всякой спасительной истины и нравственного ученія (fontem omnis et salutaris veritatis et morum disciplinae). Кардиналъ обращаетъ также вниманіе на выраженіе собора, „что эта истинна и учение содержатся въ писанныхъ книгахъ и неписанныхъ преданіяхъ (hanc veritatem et disciplinam contineri in libris scriptis et sine scripto traditionibus). Въ заключеніи декрета также говорится, что источниками вѣры Церковь должна пользоваться, при утвержденіи догматовъ и устроеніи правовъ (in confirmandis dogmatibus et instaurandis in Ecclesia moribus sit usura). Въ томъ же декретѣ соборъ постановилъ, чтобы никто не основывался на своемъ знаніи въ дѣлахъ вѣры и правственности, касающихся устроенія христіанскаго ученія (ut nemo suae prudentiae innixus in rebus fidei et morum ad aedificationem doctrinae Christianae pertinentium).

¹⁾ Такъ думаютъ Ньюманъ, Леворманъ, Ролингъ, Шандъ (Apologie II 340).

²⁾ См. статью: „On the Inspiration of Scripture“ въ „The Fifteenth Century“ num. 12 въ Postscriptum.

Защитники повсемѣстнаго вдохновенія Библіи выставляютъ противъ кардинала Ньюмана довольно сильныя возраженія. Изъ теоріи „ограниченного вдохновенія“, говорятъ они, „следовало бы не только отрицаніе повсемѣстной непогрѣшимости Библіи, по и возможность ошибокъ въ перелигіозныхъ истинахъ ея. Между тѣмъ въ приведенныхъ мѣстахъ вовсе не говорится объ ученіи вѣры и нравственности, поскольку оно начертало въ св. Писаніи и составляетъ его часть, по обѣ Откровеніи вообще, которое въ его цѣломъ объемъ обнимаетъ ученіе вѣры и нравственности. Вся Библія, по словамъ апостола языковъ, написана для нашего позиранія (2 Тим. III, 16) и, по единогласному учению преданія, содержитъ въ себѣ слово Божіе, Откровеніе Божіе. Гдѣ же здѣсь мѣсто для раздѣленія содержанія св. Писанія?

Выраженіе, взятое кардиналомъ Ньюманомъ изъ второго декрета, действительно, ограничиваетъ непогрѣшимость Церкви ученіемъ вѣры и нравственности. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и самое св. Писаніе вдохновлено только въ этихъ истинахъ? Далеко путь, потому что непогрѣшимость Церкви и богоодухновенность св. Писанія по своимъ свойствамъ различны. Изъ границъ одного невозможно аргументировать къ границамъ другого. Церковь, по своей учительской обязанности, заботится собственно о сохраненіи вѣреныхъ ей доктринальныхъ и нравственныхъ истинъ. Но это не значитъ, что ея сужденіе не простирается и на тѣ части Писанія, которые не имѣютъ непосредственного отношенія къ задачамъ церкви. Эти истины чрезъ Божественное вдохновеніе также возвышаются до степени религіозныхъ истинъ¹⁾.

Кромѣ того, тридентскій соборъ собственно говорить не о текстѣ вѣры и нравственности (*textus fidei et morum*), но о предметахъ ихъ (*res*). А такъ какъ и научныя истины имѣютъ отношеніе къ вѣрѣ, то и онѣ также приналежать къ „depositum fidei“²⁾.

Изложенные пами разногласія между римско-католическими

¹⁾ Franzelin. Tract. de div. Script. Editio 3. pag. 579.

²⁾ Crets. De divina bibliorum inspiratione. Dissert. dogmatica. Lovanii. 1886. pag. 327

богословами по вопросу о томъ, какъ далеко простираль тридентскій соборъ богодухновенность св. Писанія, еще разъ подтверждаютъ неточность и неопределѣленность его доктрическихъ опредѣлений.

Тридентскій соборъ постановилъ нѣсколько важныхъ опредѣлений касательно чтенія и употребленія св. Писанія, направленныхъ противъ лютеранъ. Для укрощенія „дерзновенныхъ душъ“ протестантовъ, соборъ опредѣлилъ, чтобы никто въ предметахъ вѣры и правственности не извращалъ св. Писанія, вопреки тому смыслу, который всегда принимала и принимаетъ церковь. Именно церкви, а не кому-либо другому дано право судить объ истинномъ смыслѣ св. Писанія. Главнымъ и кратчайшимъ путемъ къ познанію Божественного Откровенія соборъ призналъ проповѣдь. Такъ какъ проповѣдь не менѣе необходима, какъ и чтеніе евангелія, то епископы и церковные представители должны, по возможности чаще, преимущественно въ воскресные дни, проповѣдывать св. Евангеліе Іисуса Христа во вѣрепиныхъ имъ общинахъ¹⁾. При этомъ епископамъ вмѣнялось въ обязанность заботиться о томъ, чтобы каждый, по возможности, посѣщалъ свою приходскую церковь, для слушанія Божественного Слова²⁾. Не только сами проповѣдники должны быть знакомы съ св. Писаніемъ, по въ каждомъ діоцезѣ, при домашнихъ церквахъ, необходимо обучать клириковъ св. Писалію и читать съ ними творенія церковныхъ учителей. Особенное вниманіе обратилъ соборъ на обязательное знаніе и изученіе св. книгъ духовными лицами. „Чтобы небесное сокровище св. книгъ, съ столь великою щедростью раздаваемое св. Духомъ, не предлагалось съ небреженіемъ и безъ пользы“, соборъ постановилъ: епископы, архіепископы, приматы, ординаріи обязаны пріучать и даже понуждать клириковъ къ объясненію самаго св. Писанія. Они должны дѣлать это или непосредственно сами или чрезъ способныхъ замѣстителей, избранныхъ непремѣнно самими же епископами. Въ тѣхъ церквахъ, где ежегодные доходы—малы, долженъ быть, по крайней мѣрѣ, одинъ учитель, избранный еписко-

¹⁾ Sess. V. cap. 2 de ref.

²⁾ Sess. XXIV. cap. 4 de ref.

помъ по совѣту капитула и обязанный безвозмездно учить молодыхъ клириковъ грамматикѣ и подготавлять къ занятію самимъ св. Писаніемъ¹⁾.

Относительно употребленія Библіи въ печати, соборъ постановилъ, чтобы древнее латинское изданіе Библіи печатать, по возможности, безъ ошибокъ и подъ страхомъ проклятія, никому не позволять печатать, покупать и даже просто имѣть у себя книги религіознаго содержанія, безъ имени своихъ со-ставителей, если предварительно онѣ не будутъ допущены къ употребленію ординаремъ²⁾). Такъ какъ соборъ узпалъ, что распространеніе св. Писанія не всюду сопровождалось одинаковымъ уваженіемъ къ нему, то было опредѣлено: никто не долженъ позволять себѣ злоупотребленій словами св. Писанія; всѣ люди, допускающіе это, должны быть, какъ преступники и осквернители слова Божія, укroщаemы епископами посредствомъ паказаній³⁾.

Въ заключеніе, можно упомянуть о буллѣ папы Пія VI-го: „Dominici gregis“, отъ 1564 года, подтверждавшой четвертое правило индекса. Въ пей папа опредѣляетъ условія, при которыхъ можетъ имѣть мѣсто чтеніе св. Писанія на народномъ языке. „Никто не долженъ позволять себѣ читать единственно по своему усмотрѣнію, по епископами, по совѣту приходскаго пастыря или духовника, можетъ быть допущено чтеніе переведенной католическими писателями Библіи для всѣхъ вѣрующихъ, которымъ они это позволять, такъ чтобы отъ этого не происходило никакого вреда, но было бы увеличеніе вѣры и благочестія“⁴⁾) Булла эта составлена въ примирительномъ духѣ, а потому не удивительно, что крайніе приверженцы римско-католической куріи не одобряютъ ее, полагая, что она вызвана только временными условіями XVI вѣка, но не можетъ быть оправдана постоянными обстоятельствами религіозной жизни католицизма.

Д. Леонардовъ.

¹⁾ Sess V cap 1 de ref.

²⁾ Sess. IV de edit. et usu sacr. libror.

³⁾ Sess. IV de edit et usu sacr. libror.

⁴⁾ Bulla „Dominici gregis“ отъ 25 марта 1564 г

**КАФЕДРА БИБЛЕИСТИКИ
МОСКОВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ**
www.bible-md.ru

Кафедра библеистики — учебное и научное подразделение Московской православной духовной академии (www.mpda.ru), обеспечивающее преподавание более 20 дисциплин. Заведующий кафедрой — доцент протоиерей Леонид Грилихес. Основное научное направление кафедры — разработка углубленного курса святоотеческой экзегетики с привлечением широкого контекста всех современных библейских исследований.

Проект по созданию электронных книг

Проект осуществляется совместно с Региональным фондом поддержки православного образования и просвещения «Серафим». В подготовке книг принимают участие студенты кафедры. Куратор проекта — преподаватель священник Дмитрий Юрьевич. Электронные книги распространяются на компакт-дисках в формате pdf и размещаются на сайте в формате djvu.

На сайте кафедры
www.bible-md.ru

- ✓ электронные книги для свободной загрузки
- ✓ информация о кафедре, ее преподавателях, новостях, учебном процессе
- ✓ информация об издаваемых кафедрой новых книгах
- ✓ методические материалы по библеистике
- ✓ пособия и источники для изучения Священного Писания

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОНД
ПОДДЕРЖКИ ПРАВОСЛАВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ
«СЕРАФИМ»
www.seraphim.ru

Фонд является независимой филантропической организацией, предоставляющей финансирование широкому кругу православных образовательных проектов высших учебных заведений Русской Православной Церкви.

Деятельность Фонда не ограничивается помощью в развитии материально-технической базы духовных учебных заведений. Главная задача — многоуровневое финансирование научно-исследовательской деятельности, воссоздание целостной и животворной академической среды в православных образовательных центрах.

Проект по созданию электронных книг является одним из ряда проектов, осуществляемых Фондом совместно с Кафедрой библеистики Московской православной духовной академии.

На сайте Фонда
www.seraphim.ru

- ✓ **информация о деятельности Фонда**
- ✓ **информация о проектах, осуществляемых Фондом**
- ✓ **контактная информация для связи с представителями Фонда**
- ✓ **возможность заказа он-лайн книг и компакт-дисков, подготовленных к изданию при участии Фонда**